

ную меру между гнездовым и алфавитным принципом подачи лексем, хорошую, как правило, композицию этимологических статей и завидное качество обработки лексического материала”³.

Остается сказать о грандиозности реализуемого проекта. В первых двух томах описано происхождение сербских слов, начинающихся с А до БД. Предстоит последовательное изучение и описание происхождения многих тысяч слов сербского языка, среди которых весьма многочисленны слова, начинающиеся с таких букв, как К, П, Т и др. Пожелаем авторскому коллективу благоприятных условий для работы, привлечения новых молодых кадров для долговременного обеспечения непрерывности труда и его успешного завершения.

Примечания

¹ Подробнее об этом см. в монографии: Гудков В.П. Сербская лексикография XVIII в. М., 1993. С. 138–143.

² См. об этом в кн.: Журавлев В.К. Григорий Андреевич Ильинский. М., 1962. С. 40–46

³ Сборник Матице српске за филологију и лингвистику XLIX / 1. Нови Сад, 2006. С. 309.

В.П. Гудков

В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. III. М., Восточная литература, 2007. – 493 с.

Этимологи различных языковых специальностей получили очередной подарок от своей непростой судьбы: третий том ЭСИЯ. Как мы уже писали в рецензии на предшествующие тома¹, это первый в иранском языкознании этимологический свод, выявляющий обще-иранский корнеслов и его рефлексy во всех зафиксированных иранских языках. Третий том включает корни, начинающиеся на *f, *g, *h. За время работы над томом, к глубокому прискорбию, скончалась одна из авторов, проф. В.С. Расторгуева, вследствие чего обработка части западно-иранского материала была осуществлена проф. Д.И. Эдельман при содействии ее ученика, талантливого молодого ираниста и индолога А.И. Когана. Написание же самих этимологических статей произведено Д.И. Эдельман.

Разумеется, достоинства этой работы невозможно переоценить. Вышедшие в свет выпуски уже сейчас значительно продвинули вперед состояние иранских этимологических и сравнительно-исторических исследований и могут сильно способствовать решению ряда еще остающихся проблем индоевропейской реконструкции. Словарь содержит бесценный материал и для исследователей, занимающихся языками, контактными с иранскими (в частности, для славистов и тюркологов).

Как всякая находящаяся на переднем краю науки работа, этот словарь вызывает у читателя, кроме чистого восторга, который всегда сопутствует маленьким “личным открытиям”, происходящим при чтении новой этимологии, массу размышлений и вопросов. Не будучи специалистом-иранистом, я не могу как следует оценить, какие вопросы вызывает словарь у иранистов. Несомненно, таких вопросов немало, хотя в словарных статьях авторы пытаются тщательно отслеживать чужие этимологические предложения; увы, для последних двух десятков лет это сделать не под силу ни одному российскому этимологу, прежде всего, в силу недоступности большей части новой литературы.

Ниже приводятся некоторые замечания и размышления, которые вызвало чтение выпуска у меня как у лингвиста, интересующегося индоевропейской реконструкцией, и как у тюрколога.

Во введении к тому основное внимание уделено принципам отбора корней именно в этот том. Действительно, каждый из трех архетипов, попадающих в него по алфавиту, представляет собой один из альтернативов ряда чередования на праиранском или даже на праиндо-иранском уровне. Для **f-* это праиранское чередование **f-/p-* (позиции перед праиранским гласным/перед праиранским согласным соответственно; позиции обусловлены праиндоевропейским аблаутом: полной ступенью вокализма против нулевой ступени или второй вокализации, **perā-* vs **pṛ̥-*, **prō-*). В раздел словаря попадают, таким образом, те индоевропейские корни на **p-*, которые в иранских языках не представлены в первой огласовке, а также сильно отошедшие от первичного корня производные основы в непервой огласовке, для которых целесообразно было давать отдельное вхождение в словарь, и еще несколько корней, для которых предполагается праиндоиранское **ph-*.

Для **g-* это праиранское же чередование **g/*j*, обусловленное позициями палатализации праиндо-иранского уровня (восходящими к *e*-ступени индоевропейского аблаутного чередования **o/*e* и нулевой ступени корней, содержащих **i*, соответственно) и, возможно, праиранского уровня (палатализации перед слоговым носовым сонантом, восходящим к праиндоевропейской нулевой ступени корня, содержащего носовой сонант: **gom-/gem-*, **gm*, если рефлексы, которые относят к результатам этой палатализации (Эдельман СГВИЯ-Ф 30), действительно фонетически обусловлены, а не являются следствием парадигматических унификаций с рефлексами бывшей *e*-ступени чередования, что кажется возможным ввиду многочисленных “перебоев” развития).

Для **h-* (восходящего к индоиранскому **s*) это праиндо-иранское чередование с **s-*, появляющимся непосредственно перед взрывным (т.е. в индоевропейской нулевой ступени аблаута или во второй огласовке), и с **š-*, появляющимся по “правилу РУКИ” в соседстве с пра-и.-е. **r*, **u*, **k*, **i*, слоговыми и неслоговыми. На праиранском уровне это чередование получило дополнительные альтернанты в виде **x-* в непосредственном

контакте с *w, а также *z-, *ž- в позициях озвончения в соседстве со звонкими, ср. *had-/*šad-/*zd-/*žd- (шипящие после приставок на -r, -u, -i).

Авторы пишут, что при отборе слов в данный том действовал принцип выбора по “основному варианту” корня; эксплицитно не объясняется, какой вариант принято считать основным. Если, допустим, идти от индоевропейского, то принято считать основным (нейтральным) вариантом корня вариант с е-огласовкой, и тогда это всегда будет позиция палатализации. По-видимому, здесь авторы старались брать за основной вариант корневой компонент минимальной производящей основы; тогда непонятно, почему в случае глагольного корня это, по крайней мере, в части случаев, не е-огласовка презенса, а о-огласовка древнего перфекта или каузатива (так получается в корнях *gad-/jad-* ‘требовать, желать’, с. 97–99, *gai-/jai-/ji-* ‘жить’, с. 105–112, **gai-/ji-* ‘слабеть/побеждать’ (каузативная основа представлена только в хотано-сак. *jsis-* < **jais-*, и это – новообразование с устранением чередования согласных), с. 112; **gam-/gm-/ga-/jam-* ‘идти’ (в большинстве языков в глаголе – рефлекс презентной е-основы), с. 117–135; **gan-/jan-* ‘бить’, с. 136–144). Еще ряд реконструкций праиранского вида корня вызывает замечания, приведу из них несколько.

С. 190, **gard-/jard-/grad-* ‘град, иней’: какие из рефлексов отражают последнюю основу? По-видимому, ее нет, так как во всех случаях в новых языках имеется рефлекс кластера *-rd-, а кроме того, если бы она была, то содержала бы долгий: **grād-*, поскольку представляла бы собой вторую огласовку корня **gheləd-* (**ghleHd*) (Pokorny 435), ср. греч. *khálazda* f. (**gheləd-ja-*) ‘Hagel’, ст.-слав. жлѣдница ‘дождь со снегом, градом’, укр. *о́желедь, ожелѣда* ‘гололедица, дождь со снежной крупой’, словен. *žléd, žledica* ‘гололедица, дождь с градом’, лтш. *dzeldēt* ‘твердеть (о снеге)’, *galđet* ‘затвердевать’ (Mühlenbach–Endzelin I 589) (славянские формы показывают подвижность ударения, вторая из латышских подтверждает подвижность, при этом показывая балтийский акут, то есть индоевропейский долгий дифтонг или Беценбергерское сочетание). Вероятно, следовало бы отметить возможность реконструкции долготы и в других видах корня, поскольку имеющиеся рефлексы, кл. перс. *žāla*, пушту *žaláyu*, йид. *žilo*, не противоречат долготе (Эдельман СГВИЯ-Ф, 70). Что касается основного вида корня, то без палатализации – только странный осетинский рефлекс *xalas / xalasa* ‘иней’, он же – единственный, отклоняющийся по значению от ‘град’, по предположению – с незакономерным оглушением **gh-* > х. Видимо, он, как и слав. **xold-*, в принципе должен бы трактоваться как другой корень (Фасмер 4, 256).

С. 49–51, **p/faž-* и под., ‘нос’. На с. 51 говорится: “Неясно, относится ли к таким звуко-символическим словам мунджан. *fiz*, йид. *fīz* ‘грудь’ < **fāža-*, хотано-сак. *pīja, pīmja* ‘грудь, сторона, пик’”. Мунджан. и йид. слова, скорее всего, связаны с другим индоевропейским и индоиранским корнем, как это сделано в (ЭСВЯ 267, 286) вместе с

ваханским *рыз* ‘грудь, грудина’ (**pāza*), *poz(n)* ‘грудь, грудная клетка, объятия’ (**pāzana*), язг. *pažāg* ‘кусочек кожи с груди животного’, хотаносакск. *pāyasa-* ‘грудь’, (?) осет. *faz* ‘половинка, сторона’, др.-инд. (?) *pājas-* ‘внешняя сторона; облик’ (Maughofer. Altindoar. 2 116, не *pāja-* ‘лицо’, как в ЭСВЯ – такое слово зафиксировано только как имя собств. – см. Böhntlingk & Roth 4, 626!), *pājasyā-* ‘Bauchgegend, Weichen’ (**pāza-*) и слав. **paз-u-*, **paз-vā*, **paз-u-xā*: др.-рус. **пазѹха** ‘объятие, грудь, залив’ (Срезневский II, 861), рус. *nāзуха*, укр. *nāзуха* ‘пазуха’ (Гринченко III, 87), зап.-укр. *nāзуха* ‘id.’ (Желеховский – Нед. II, 596), блр. *nāзуха* ‘id.’, польск. *paзucha* ‘id.’, чеш. *paзucha* ‘подмышка’ (неупотр.), словац. *paзucha* ‘подмышка’, кашуб. *paзѣха* ‘подмышка’ (Lorentz. Pomor. I 619), словин. *pāzāxā* ‘подмышка’ (Lorentz Sl. Wb. II, 759), словен. *pāзуha*, *pāzduha*, *pāzdiha*, *pāziha*, *pāzha* ‘подмышка, пазуха’, сербо-хорв. *nāзуo*, *nāзуxo* ‘подмышка, пазуха’, болг. *nāзва* ‘пазуха, грудь’ (Геров IV, 5). Ввиду разнообразия оформления, оказывается явно неверна гипотеза о составе слова **paз-ducha* (где *paз-* приставка), основанная на словенской форме (см. Фасмер III 187). Словенское *-zd-* может объясняться контаминацией вследствие народной этимологии с *duh*, *duha* ‘душа, дыхание’. По-видимому, как производное от этого же корня с суф. *-ja* следует рассматривать чеш. *paže* ‘Агн’, *podpaže* ‘подмышка’, словац. *podpaže* ‘подмышка’, в.-луж. *paža* ‘подмышка; плечевая часть руки’ (Jakubaš 235), н.-луж. *paža* ‘подмышка, плечевая часть руки; объятия’ (Muka II, 30) (в старопольск. *paža* ‘подмышка’ трактуется как богемизм – Sl. stol. VI, 60), ср. (Pokorny 792). Майрхофер (op. cit.) предлагает к др.-инд. еще лат. *pāgina* f. ‘Blatt Papier, Seite; vier Reihen im Viereck gebundener Weinstücke’ и греч. εὐ-πτηγῆς ‘gut gebaut’, которые семантически скорее принадлежат к глагольному корню со значением ‘строить’ (см. Pokorny 787–788). Тем не менее, не относится ли к нашему корню лат. *impāgēs*, *-is* f. ‘Leiste’? Такой привязке мунджан. и йид. слов противоречит только начальное *f-* (в начале слова праиран. **p-* отражается в этих языках как *p-* (Эдельман СГВИЯ-Ф, 184). Однако сама фонема – начальное **f-*, выступающее перед гласными (не аллофон **p-*, выступающий пред согласными) для праиранского состояния достаточно таинственная вещь; она должна восходить к праиндо-иранскому **ph-*, для которого сомнителен индоевропейский источник. И действительно, в словаре таких корней на **f-* перед гласной 5 штук, из них 4 восходят к начальным группам типа *(*s*)*ph-*, содержащим *s-mobile*, и, кроме того, явно включают слова, для которых можно предполагать оноματοпоэтические отклонения в фонетических изменениях, а пятый – рассматриваемый ‘нос’, для которого также предполагаются оноματοпоэтические развития. Учитывая эти сложности, в словарной статье хотелось бы видеть упоминание о возможности другой, более естественной этимологизации для мунджан. *fiz*, йид. *fiz* ‘грудь’.

С. 86–88, **fšā-* ‘расчесывать’, имеется также огласовка **paś-*, с. 87. Непроизводный глагол ‘расчесывать’ только в этой последней огласовке

и представлен (осет. *fasyn* и памирские основы с приставкой **ni-*). Другие ‘расчесывать’ производны от суффиксальных имен **fšāna-* и **fšāka-* ‘гребень’ (последнее – возможно, производное от первого), и глагольного корня **fšā-* мы в иранском материале, собственно, не видим, так что, либо надо бы было принимать за основной вариант корня **paš-*, либо выделять здесь особую именную основу **fšāna-* ‘гребень’ с возможным производным **fšāka-*. Во всяком случае, никакой “второй огласовки” с долготой для рефлекса индоевропейского корня **pek-* (Pokorny 797) мы здесь не находим. Не исключено, что производное на **-ēn-* от нулевой ступени со значением ‘гребень’ у этого корня является общеиндоевропейским, ср. греч. атт. κτεῖς, Иоанн Александрийский κτήν, gen. κτενός ‘Kamm, Weberkamm’ Frič 2, 33, лат. *pecten*, *-inis* m. ‘Kamm, Riffel’, умбр. *petenata* ‘pectinātam’.

В общем, вопрос об установлении точного вида праиранского корня, особенно его огласовки, явно не входил в непосредственные задачи авторов словаря. В результате можно оспаривать ряд вхождений в томе как отразивших действительно “основной” вид корня; следует только отметить, что эта “небрежность” в деле установления “основного” вида привела в реальности к тому, что в том вошло больше, а не меньше корней, и специалисты получили возможность ознакомиться с материалом по ряду корней раньше, чем выйдут последующие тома, то есть, в конечном счете, она принесла пользу читателям. Несомненно, индоевропейец не может пользоваться только заголовками словарных статей для того, чтобы уточнить, какие индоевропейские огласовки представлены в иранском материале; имея такое намерение, он должен внимательно ознакомиться со всем содержанием словарной статьи и критически рассмотреть частные реконструкции. Зато он может быть действительно уверен, что, хотя в словарной статье ему может попасться “лишний”, т.е. интерпретируемый другим способом, материал (причем, обычно эта альтернативная интерпретация бывает указана), но зато вряд ли пропущены какие-то формы, которые могут быть проинтерпретированы как относящиеся к данному корню.

Из мелких замечаний другого рода можно привести следующие.

С. 207–208, **gau-ažna* ‘олень’: так и остается неясным, считают ли авторы, что это действительно может быть производное на *-na* от сложения с **aža-* ‘коза’, как предполагал В. И. Абаев? На с. 208 они пишут, что это фонетически невозможно, поскольку сочетание *-žn-* должно было бы в большинстве языков дать *-žn-* или *-šn-*. Конечно, только согласиться можно с включением в ту же этимологию хотано-сак. *ggūysna-* ‘олень’, вопреки (Bailey DKS 87).

С. 155, о названии пивяки **jarū-ka-*, возможно, производном от **gar-* ‘увлажняться’, или, скорее, от **gar-* ‘глотать, сосать’: осет. *zūlk’/zolk’æ*, вслед за (Абаев IV, 316), считается заимствованным через тюркское посредство (а тюркское слово, в свою очередь, считается иранским заимствованием). Такую гипотезу, однако, довольно трудно обосновать.

Тюркское название пиявки, **sülük*-k (ср. еще тур. диал. *sülümen, sülen*), является пратюркским (ср. наличие закономерного чувашского рефлекса): чуваш. *sə^wlə^wk*, ст.-кыпч. *sülük* (АН, Ettuhf.), узб. *zuluk*, нуйг. *zülük*, тур. гаг. *sülük*, азерб. диал. *sülüh*, туркм. *sülük*, караим., кум. *sülük*, татар. *şılık*, башкир. *hılık*, ног., казах., ккалп. *sülük*, кирг. *sülük, zülük*, г.-алт. *šülük* (Räsänen 436, 425; СИГТЯ 2000, 185; ЭСТЯ 2003, 377). У него имеется вполне приемлемая алтайская параллель: пратунг.-маньчж. **silu-hta* ‘глист, червь’ (ССТМЯ 2, 95). Если пренебречь ею, можно было бы, конечно, предположить пратюркское заимствование из какого-то восточно-иранского языка ранне-среднеиранского периода с рефлексом **j- > z-* и интерпретацией его в пратюркском через **s-*, но это маловероятно, скорее ожидалась бы тюркская начальная аффриката **j-*; развитие гласного *a > u* возможно, например, для хотано-сакского (Эдельман СГВИЯ-Ф 71). Осетинское слово можно было бы интерпретировать как тюркизм либо на аланском уровне (из болгарского), либо как новое заимствование из тюркских языков Кавказа, напр., кум. *sülük*, или из турецкого *sülük*. В любом из этих случаев совершенно непонятна начальная звонкость в осетинском. Начальное *z-* появляется в некоторых тюркских формах, но сугубо в центрально-азиатском регионе (узбекский, новобуйгурский, южно-киргизский, т.е. языки зоны, контактной с таджикским) и, очевидно, под влиянием тадж. *zulluk*, которое само по себе следует считать результатом контаминации, а не закономерного развития перс. (и, по-видимому, старотадж.) *zalū-* ‘пиявка’² и тюрк. *sülük*, причем отражающим тюркское переразложение на *sül-lük* вследствие народной этимологизации (букв. ‘слюнявая’), как в узб. диалектах.

С. 176, о перс. *durnā* ‘журавль’: авторы цитируют замечание В.И. Абаева (Абаев IV, 304) о возможности происхождения перс. слова из **zrna-* и последующего заимствования из перс. тюрк. *durna*. Последнее совершенно невозможно; как правильно указано в (Doerfer TMN III, 199), персидское слово, скорее всего, является восточно-огузским (туркменским или азербайджанским) заимствованием, а то является правильным рефлексом пратюрк. **tur(u)jna* ‘журавль’, чуваш. *t^wrna*, (диал.) *t^wrne*, якут. *turuja*, долг. *turuja*, тувин., тофалар. *durufā, turuja*, др.-тюрк. *turuja* (Брк Битиг, 94), карахан.-уйг. *turna* (Махмуд Кашгарский), тур. *turna*, азерб., туркм. *durna*, татар. *torna*, казах. *tirna*, кирг. *turuna* (Räsänen 501; EDT 551; ЭСТЯ 1980, 301–302; СИГТЯ 2000, 173). Кроме того, огубленный рефлекс слогового в индоиранских языках обычно предполагает наличие в основе губного или старого лабиовелярного согласного. Лезг. и рутул. *durna*, очевидно, также не из персидского, а из азербайджанского – в этих языках особенно много азербайджанских заимствований.

С. 211, ссылка на этимологию В.И. Абаева, который осторожно предположил (Абаев II, 326) для тюрк. *qumuz* ‘напиток из сквашенного кобыльего молока’, послужившего источником осет. *qoymuz* ‘молозиво’,

происхождение из иран. **gau-maiza-*, авест. *gao-mæza-* ‘коровья моча’ (как ритуальное средство). Относительно внушавшего В.И. Абаеву сомнение соотношения значений тюркского и осетинского слов можно заметить, что ‘молозиво’ может быть связано с ‘кисломолочным продуктом’ через значение ‘закваска’, так как молозиво часто используется в скотоводческих культурах как закваска. Что же касается иранского происхождения тюркского слова, то, если учесть, что тюркское слово означает во всех языках, где только представлено противопоставление, напиток именно из кобыльего молока, в отличие от **ajran*, аналогичного напитка из коровьего молока, и без того сомнительное сходство значений еще уменьшается. К тому же, тюркское слово имеет внешнюю монг. параллель: монг. **kimura-gun* ‘напиток из кипяченого молока с водой’.

С. 292–293, **grda-* ‘дом, жилище’: приводимые в словарной статье среднеиранские формы заставляют с большим вниманием отнестись к одному из имеющихся в литературе этимологических предложений для пратюрк. **gel*, основы, сохранившейся только в болгарской ветви + реликт в огуз. [хазар. -кел в *Съркел* = др.-рус. **Бѣла Бѣжа**; чуваш. *kil* ‘жилище, двор, дом, подворье; перен. семья’; тур. *gil* ‘семейство (как вторая часть композита)’, показатель ассоциатива; азерб. *gil* ‘семейство (как вторая часть композита)’, показатель ассоциатива. Не относятся сюда, вопреки EDAL, якут. *kūle* ‘сени, передняя, притвор, пристройка’ (вариант с краткостью – скорее, следствие неточной фиксации, см. Пек. 2, 1284): заим. из эвенк., с эффектом передачи иноязычного ударения как долготы (*Räsänen* 270; Егоров 112; Федотов 1, 291–292)]. Развитие гласного в огузских рефlekсах, в общем, возможно, если учесть, что здесь корень выступает исключительно в позиции непервого слога. Для тюркского слова предлагалось две этимологии, обе с определенными сложностями:

1. К праалт. **gjalu* ‘жилище, хижина’ (EDAL)³: пратунг.-маньчж. **gule*, эвенк. *gule* ‘хижина, жилище, изба, зимовье; комната’ (ССТМЯ I, 171; здесь *gūle*, но ни у Василевич, ни у Мыреевой долготы нет. Долгота, возможно, под влиянием якут. формы – на исследователя?). В ербогочёнском диалекте как вариант имеется *gulu* (вин. пад. *gulu-wa*, т. е. заднерядное слово) ‘дом; чурка’, ср. *guluwūn* ‘костер, очаг, ночное становище, амбар’, к **gul-* ‘зажечь огонь’ (ССТМЯ I, 169). Ербогочёнская форма, возможно, результат контаминации (в рамках десингармонистической реконструкции пратунг.-маньчж. вокализма корни совпадали бы фонетически, но мне неизвестен именной суф. -е в северных тунг.-маньчж. языках). Заметим, что слово не зафиксировано в восточных диалектах эвенкийского⁴. Эвенк. > рус. сиб. *гуль* ‘дом, жильё’ (Аникин ЭСРусДСиб 171). Праяп. **kūrà* ‘сарай’, др.-яп. *kura* (JLTT 464). Алтайское слово, как мы видим, не особенно хорошо засвидетельствовано⁵, но имеет уральскую параллель: праярал. **kūlä* ‘Wohnung’, фин. *kylä* ‘Dorf; Wohnung, Haus’; эст. *küla*; саам. *gál’li-* (N) ‘visit, pay a visit to’ и манси *kül* ‘Haus’ (UEW 155).

2. (Предложено, но не разработано в Czeglédy 1964). Праиран. **gr̥da*- ‘дом, жилище’ (< и.-е. **gerdh-* ‘огораживать’, производное в 0-ступени, ср. рефлексы *o*-ступени: **gordh-o-* > рус. *город*, гот. *gards* ‘дом’) (ЭСИЯ 3, 292–293). Иранские рефлексы: авест. позднее *garəda-* м. ‘дэвовское жилище, нора, пещера’, др.-перс. **gr̥d(y)a-* > вавил. *gardu* ‘раб’, *gardupati* ‘начальник над рабами, домоправитель’, эламо-перс. *kurtas̥, kurtapattiš*; араб. *grd*’; пехл. *gardastak* ‘гнездо вредных животных’ (Абр. 114) = ср.-перс. *gilistak* [glsty, glystk] ‘дэвовское жилище, капище’, зороастр.-пехл. **gil-šāh* ‘хозяин дома’. Ср. еще в среднеперсидском: *bor-^{*}gil* [bwlkl] ‘назв. одного из военных отрядов’, где *bor* толкуется как ‘серый’, а *gil* – ‘группа, сборище’ из этимологических соображений, как связанное со ср.-перс. *gāl* ‘шайка; штат рабов-прислужников у царей и сатрапов, во время войны – личная гвардия’ (Nyberg МР 48, 80), совр. перс. *gāl(l)a* ‘стадо, стая’ и с диал. зап.-иран. суффиксами мн.ч. *-gal, -gāl, -gil* (Жук. I), по др. (ОИЯ 1997, 265) – *-gelō* в диалектах кешей и зефреи, т.е., скорее всего, то же *gāl(l)a*, суффиговое (NB – по примерам – не ассоциатив, ср. *susgelō* ‘отруби’, *essōrgelō* ‘звезды’ и под.; т.е. точно нет непосредственной связи с турецко-азербайджанским показателем). Хотанско-сак. *ggālū* ‘семья’ < **garduv-*, adj. к **gard* (суф. требует полной ступени?). Праиран. > праперс. **gort*; пракоми **gort (gortj-)* ‘дом’, ‘гроб’, праудм. **gurt* ‘деревня, селение, село; дом, родина’; коми > хант. *kort, kurt* ‘хантыйское жилище или поселение’ (Лыткин–Гуляев 79); скорее всего, из формы со слоговым сонантом. Возможно, хант. заим. в ненец. *xард, харад* ‘дом’?

До сих пор мы решались (Дыбо 2007, с. 115–124) отнести к пратюркским заимствованиям из иранских языков следующие слова:

Тюрк.	Иран.
* <i>dāna</i>	* <i>dainu-kā</i> , хотанско-сак. <i>dīnū</i>
* <i>dorak</i>	ср.-иран. * <i>tura-ka</i> , хотанско-сак. <i>ttūra</i> ‘сыр’
* <i>dura</i>	сак. <i>ttaura</i>
<i>tarqan</i>	* <i>t̪k-</i> , сак. <i>ttarkana-</i>
* <i>qayan</i>	* <i>hva-kama-</i>
* <i>kumlak</i>	* <i>hauma-aryaka</i>
* <i>bütñük</i>	* <i>baudyana-ka</i>
* <i>arpa</i>	? * <i>arpa-syā</i>
* <i>ečkü</i>	* <i>az-ya-k-u</i>

В сущности, мы не знаем, как заимствовались бы в пратюркский ср.-иран. (форма какого-то из восточных среднеиранских языков) **gil(ak)*; возможно, и с интерпретацией *i* с помощью **e*. Семантика ‘основного’ дома стационарного типа (СИГТЯ 2006), как будто, не противоречит такой гипотезе.

С. 426, **huца-*. Среди композитов, содержащих этот элемент, приводятся названия ‘госпожи’ **huца-taуni*, и в согдийском материале, наряду

с *xwt'n* [*xuten*] ‘царица, первая жена царя’ без комментария приведено еще *xātūn* [*x'twn*] (Gharib 431). Как показывает Бенвенист (Benveniste. *Titres et noms* 31–33), это второе слово употребляется прежде всего как ‘госпожа, знатная дама’, в одном конкретном случае – при именовании второй жены царя (причем рядом с *xuten*, именовании первой жены). Бенвенист склонен считать его тюркизмом в согдийском; во всяком случае, это не рефлекс того же композита, что *xuten*. Что касается первого слова, то Бенвенист выводит его (Benveniste. *Titres et noms* 29) не из **hvatauni-* (ж. р. от **hva-tāvan-*), а скорее из **hva-tāvyaini* (ж. р. от **hva-tāvyu-*), что фонетически довольно убедительно. Ср. также нашу гипотезу (Дыбо 2007, 107) о суннуском происхождении согд. *xātūn*.

С. 425–428. Там же разбираются различные композиты в иранских языках, обозначающие правителя; к сожалению, среди них отсутствует представленное в согд. *xwt-k'm'-k'* [*xutkame*] (Gharib 440) ‘autokrator’ (*hvata-* ‘само-, свой’ и *kam-* ‘желать’). Надо сказать, что именно это слово позволило рецензенту (при постоянных устных консультациях с Дж. И. Эдельман) построить, кажется, довольно правдоподобную гипотезу о происхождении слова **qayān*: орхон., енис. *qayān* ‘глава конфедерации племен; в частности, китайский император’ и пр. (Дыбо 2007, 121). А именно, слово может быть выведено из ср.-иран. **hva-kama-* ‘autokrator’ (*hva-* ‘само-’ и *kam-* ‘желать’), ср. парность таких образований, как авест. *hvata-data-* и *hva-data* (Bartholomae 1082). Начальный кластер в тюркских (и монгольских) языках запрещен, и в случае сочетания с глайдом его устранение могло проходить путем выпадения этого глайда. Конечное *-n*, возможно, из *-m*, ср. собственно тюркские отглагольные образования на *-m/n*.

С. 440, разбор этимологии **hūarnah-* ‘слава, блеск, величие, фарн’. Авторы придерживаются традиционного (и достаточно убедительного) воззрения на то, откуда берутся фонетически отклоняющиеся формы с *f*- в иранских языках, интерпретируя их как рефлекс мидийского заимствования. Может быть, стоило бы для полноты картины упомянуть о существовании неоднократно опубликованной и также весьма доказательной гипотезы А.А. Лубоцкого (Indo-Iranian languages and peoples. 191–195), опирающейся на ряд нетривиальных лингвистических наблюдений (в том числе на демонстрацию недостатков “мидийской” гипотезы Скьярве в статье 1983 г.), о происхождении слова *фарн* из праиндоиран. **parHnas-* ‘полнота, изобилие’ (вед. *pārīṅhas-*) и заимствовании его в большинство иранских языков из скифского.

Повторю, что высказанные соображения ни в коей мере не направлены на умаление достоинств Словаря: очевидно, что только благодаря наличию этого компендиума и огромной и тщательной работе, проделанной его авторами, мы получили возможность более или менее уверенно рассуждать о проблемах иранской реконструкции, оперируя полным материалом.

Примечания

- ¹ Этимология 2003–2005. М., 2007, 338–348.
- ² Перс. *zalū* > азерб. *zāli*.
- ³ В EDAL **gāli*, но при изменении фонетической реконструкции тюркской прарформы алтайская реконструкция также изменяется.
- ⁴ При этом вряд ли стоит пытаться объяснить его как заимствование из манси **kül* ‘Haus’ (ТJ *kül*, KU *k_oäl*, P *k_oäl*, *käi*, SO *kol*); ср., хотя бы звонкость в эвенк.
- ⁵ Ср. еще древне-когурёское *kuru*, пэкчэ *kuə* ‘крепость, город со стенами’ (согласно Miller 1979, заим. в др.-яп. *ki* тж.; в EDAL принята другая этимология для японского). Но ср. совр. кор. *kwulyu* ‘крепость, тюрьма’ < кит. 拘 (ср.-кит. *kü*) ‘ограничивать, связывать’ + 留 (ср.-кит. *ləw*) ‘задерживать, арестовывать’ – т. е., возможно, китаизм в когурёском?

Литература

- Абр. – Абрамян Р. Пехлевийско-персидско-армяно-русско-английский словарь. Ереван, 1965.
- Дыбо 2007 – Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. М., Вост. лит., 2007.
- Егоров — Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
- Жук. – Жуковский В.А. Материалы для изучения персидских наречий. Ч. I. СПб., 1888; ч. II. Пг., 1922; ч. III. Пг., 1922.
- ОИЯ 1997 – Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Северо-западная группа. II. М., 1997.
- Пек. – Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. I–III (фототип. изд.). СИГТЯ 2000 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М., 2000.
- СИГТЯ 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка. М., 2006.
- ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I–II. Л., 1975–1977.
- Федотов – Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1–2. Чебоксары, 1996.
- Эдельман СГВИЯ-Ф – Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986.
- ЭСВЯ – Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.
- АН – Caferoğlu A. Abû-Hayyân. Kitâb al-Idrâk li-lisân al-Atrâk. Istanbul, 1931.
- Bailey DKS – Bailey H.W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge etc., 1979.
- Benveniste. Titres et noms – Benveniste E. Titres et noms propres en Iranien ancien. P., 1966.

- Böhlingk & Roth – *Böhlingk O., Roth R.* Sanskrit-Wörterbuch. SPb., 1855–1875.
- Czeplédy 1964 – *Czeplédy K.* Šarkel, an Ancient Turkish word for house // Aspects of Altaic civilisation, Bloomington 1964. 23–32.
- EDAL – *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.
- EDT – *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
- Ettuhf. – *Ettuhfet-üz-zekiyye fil-lūgat-it-türkiyye / ÇEVIRIEN Besim Atalay.* Istanbul, 1945.
- Gharib – *Gharib B.* Sogdian Dictionary. Tehran, 1995.
- JLTT – *Martin S. E.* The Japanese Language Through Time. New Haven; London, 1987.
- Miller 1979 – *Miller R. A.* Some old Paekche fragments. JKS 1.3–69, 1979.
- Nyberg MP – *Nyberg N. H.* A Manual on Pahlavi. Pt. 2. Glossar. Wiesbaden, 1874.
- TMN – *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. I. Wiesbaden, 1963; II. Wiesbaden, 1965; III. Wiesbaden, 1967.
- UEW – *Redei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1989.

А.В. Дыбо

Radoslav Večerka a kolektiv: Adolf Erhart, Eva Havlová, Ilona Janyšková, Helena Karliková. Uvedení do etymologie. K pramenům slov. Nakladatelství Lidové Noviny, 2006. 355 str.

Эта книга – результат творческого содружества известного па-леослависта Р. Вечерки и Брненского этимологического коллектива, давно и хорошо зарекомендовавшего себя и изданием “Основного славянского лексического фонда” (“Základní všeslovanská slovní zásoba”. Brno, 1964), и работой над “Этимологическим словарем славянских языков” (“Etymologický slovník slovanských jazyků”, были изданы два очень существенных тома¹, после чего работа была, к сожалению, прервана), и изданием “Этимологического словаря старославянского языка” (“Etymologický slovník jazyka staroslověnského”, seš. 1–13. Praha, 1989–2006), и многочисленными отдельными публикациями по славянской этимологии, и большой организационной деятельностью как инициатора четырех симпозиумов по славянской этимологии (Брно: 1999, 2002, 2005, 2008). Именно большой опыт этимологических исследований, накопленный авторами книги, придает ей уже априори научную весомость и авторитетность и обеспечивает интерес как этимологов, так и историков языка, не говоря о широкой аудитории интересующихся этимологией.